Известия Гомельского государственного
университета имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 291.211.23

Развитие учения о посмертном воздаянии в японском буддизме

В.В. Кузев

Рассматриваются некоторые вопросы формирования и развития верований относительно посмертного существования (ретрибутивный аспект) в японском буддизме. Основной объект исследования – популярные или народные формы указанной религиозной традиции. Автор уделяет достаточное внимание проблематике взаимодействия буддизма с древними синтоистскими верованиями. Исследуются религиозные, этические, культурно-исторические стороны названого феномена.
Ключевые слова: ад, рай, посмертное воздаяние, буддизм.

Some of the issues of formation and development of beliefs about afterlife (retributive aspect) in Japanese Buddhism are considered. The main object of the study is the so-called popular or folk forms of this religious tradition. The author pays sufficient attention to the problems of interaction of Buddhism with ancient Shinto beliefs. The religious, ethical, cultural and historical sides of the above-mentioned phenomenon are analyzed.
Keywords: hell, heaven, posthumous retribution, Buddhism.

Согласно наиболее древнему письменному документу «Нихон секи» («Анналы Японии», завершены в 720 г.), буддизм появляется на территории Японии в 552 г. – в тринадцатый год правления императора Киммея[1]. Буддизм, заимствованный в основном из Китая, распространялся в Японии в форме махаяны. В ходе своей инкорпорации в культурно-религиозное пространство древней Японии, это учение оказало кардинальное влияние на становление, среди прочего, основ этической и правовой системы.

По мере того как государство Ямато лишалось черт родоплеменного союза, предпосылки для распространения буддийской религии становились более благоприятными. Процесс интеграции буддизма в японское общество приобретает особую интенсивность в начале IX в. и объясняется разными – политическими, идеологическими и личностными – факторами, подробное описание, а тем более анализ которых выходит за установленные границы нашего небольшого исследования.

Стало уже communis opinio указывать на важность рассмотрения взаимодействия буддизма с теми мифологическими верованиями Японии, которые позднее оформились в национальную и государственную религию синто в период между VII–VIII вв. Мы также считаем небесполезным последовать этой традиции, тем более, что отдельные синтоистские представления и образы, непосредственно касающиеся тематики нашей работы, перешли также и в японский буддизм. Традиционные синтоистские верования относительно посмертного существования характеризуются разрозненностью и не подлежат четкой систематизации. Кроме того, как отмечает Д. Главева , синтоизм «преимущественно освещал коллективные ценности. Единицами синтоистского социума были род и община. Человек же еще не воспринимался как его составляющая. ... Для синтоизма человек как таковой не был слишком важен, и общение с богами, как и общий модус поведения, носило не индивидуальный, а коллективный характер» [1, с. 42]. Понятно, что такие воззрения мало способствовали функционированию верований относительно судьбы *отдельной* личности post mortem. Ранняя японская религия, можно сказать, еще не содержит ни сложившуюся идею души, ни концепцию бессмертия души, отсутствует также ясное различение тела и духа, жизни и смерти. Морально-этическое учение синтоизма сосредотачивается в основном на вопросах ритуальной чистоты и нечистоты, проблемы добра и зла в смысле абсолютных моральных категорий не поднимаются, отсутствует также понятие «греха» (недолжного нравственного поступка). В древней японской религии осуждаются лишь те действия и ситуации, отмечает Дж. Сэнсом, которые являются наглядными или вызывают немедленное отвращение [2, сс. 54, 58–59]. К наиболее нечистым явлениям причисляются сексуальные отношения, рождение, менструа-

[1] Однако первые археологические свидетельства о появлении буддизма на Японских островах датируются V в. [1, с. 41].

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ции, раны, болезни и смерть, после контактов с которыми следует проводить ритуальные очищения путем молитв, омовений и других предписанных обрядов. Главным источником нечистоты – *кегаре*[2] – считалась смерть и связанные с ней вещи, в частности трупы. Поэтому до XI в. включительно не только синтоистские, но и буддийские священнослужители отказывались от участия в погребальных церемониях [3, с. 156]. Духи почивших, согласно ранним представлениям, уходили в водную бездну или поднимались в горы. Обе эти локализации умерших довольно распространены и имеют много аналогов в других культурах. Считалось, что духи мертвых постепенно теряют свою индивидуальность и через тридцать пять лет после смерти соединяются с духом предка, который символизирует души всех умерших представителей рода. Этот дух предка внимательно наблюдает за живущими и возвращается к ним два раза в год: на Новый год и в летний праздник Обон [4].

Учение о моральном воздаянии после смерти появляется только с приходом буддизма. Традиционная синтоистская вера в загробную жизнь предусматривает примерно одинаковую судьбу для всех умерших при условии правильно выполненных посмертных обрядов. Если же названные обряды не выполнены или же если человек умирал насильственной смертью в результате убийства и не успевал завершить важное дело, начатое в этой жизни, он подвергался риску превратиться в *юрэй*, привидение, которое остается в мире живых, чтобы осуществить месть или позаботиться о незаконченных деле. Так или иначе, считалось, что все умершие безотносительно к их нравственным качествам являются чьими-то предками и поэтому заслуживают уважения и поклонения со стороны своих потомков [5].

Наряду с вышеприведенными верованиями существовали также крайне нечетко очерченные представления о подземном мире (Йоми), в котором пребывали умершие. Довольно специфическим (хотя и не исключительным) является факт неприятия этого нижнего уровня универсума, который пытались по возможности исключать из космографической схемы. – «Души предков не спускаются в некое подобие Аида или Преисподней, а отправляются поближе к богам, в горы. Стране же Мрака остаются сами трупы, от которых пытаются поскорее избавиться как от источника скверны» [3, с. 195]. Следовательно, не является удивительным, что мифы, связанные со страной Йоми крайне немногочисленны, смысл их неясен, а задача вывести из них более или менее систематизированные верования вряд ли имеет шансы на успех. Наиболее известным из вышеупомянутых мифов является история о катабасисе Идзанаги. По легенде, бог творения Идзанаги спускается после смерти своей жены и сестры Идзанами в Страну Желтых Вод, то есть в мир мертвых, с целью вызволить ее оттуда. Однако, как и в греческом мифе о Персефоне, Идзанами уже попробовала «пищи из очага Страны Йоми» и не могла вернуться на землю. В тексте упоминаются также «боги Страны Желтых Вод», однако их имена и функции не называются. По возвращении Идзанаги вынужден был совершить омовение, так как осквернился от контакта со страной мертвых. В целом Йоми изображается как темное и мрачное место, находящееся «внизу», где мертвые продолжают некое призрачное существование среди гнили и других нечистых вещей. Нет никаких свидетельств об отождествлении его с местом наказания за ненадлежащие поступки [6].

Буддизм привносит в японское общество новую этическую систему, согласно которой каждого ожидает должное возмездие после смерти, соответствующее его земной жизни. В связи с широким распространением таких идей, большую популярность приобретает тема путешествия в страну мертвых, где царствует властелин Эмма (Яма), который оценивает степень греховности людей и определяет их дальнейшую судьбу. Следует подчеркнуть, что, несмотря на развитые представления относительно как инфернальных местообитаний, так и высших (райских) миров, которые могут стать местом нового рождения живого существа в соответствии с действием кармического возмездия, «классический» буддизм концентрируется именно на вопросе окончательного освобождения, а не на улучшении существования в рамках существующего психокосма, который даже на своих высших уровнях (например, мир

[2] *Kegare* (穢れ) понятие, относящееся к сфере контаминации, загрязнения или осквернения в различных его значениях. Представление об ассоциативной близости *kegare* и смерти имеют значительное распространение также в современной японской культуре.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

не-форм) считается частью сансары и неотделим от тех или иных видов страдания (*дуккха*). Такая установка была столь же мало понятной, как и привлекательной для широких народных слоев японского общества, соответственно, большее распространение получает иная разновидность буддийской доктрины с несколько смещенными акцентами, в том числе в вопросах особенностей посмертной судьбы человека [7].

Следует отметить также, что на ранних этапах в японском буддизме закрепляется идея награды или наказания в земной, а не загробной жизни. Обряды и практики этой религии рассматривались как способ получения тех или иных благ прежде всего в этой жизни (концепция *гендзе -рияку* – «выгода в настоящем существовании»). Буддийские божества регулировали бытие человека на двух уровнях: внешнем (экологические условия существования) и внутреннем (состояние здоровья) [8, с. 39]. Сосредоточение на вопросах посмертного возмездия приходит позже, в период Камакура (1185–1133) и Муромати (1392–1568) вместе с общим распространением буддизма Чистой Земли (школы Юдзу нэмбуцу-сю, Дзедо-сю, Дзедо-Синсю и Дзи-сю). Буддизм привносит концепцию реинкарнации и различных форм существования, в которых умершие могут повторно рождаться[3].

Многие представители амидаизма, например, основатель школы Дзедо – Хонэн, считали необходимым упростить догматику буддизма, сделать ее более доступной для большинства представителей общества. Как следствие, происходит так называемая популяризация буддизма, основы учения становятся понятными простым, неграмотным людям, и религия из элитарной превращается в народную. Общим для амидаистских школ является акцент на спасение в небесной Стране Счастья (*Сукхавати*), в которой возродятся после смерти ревностные адепты этой религии и надежда на силы Другого (*тарики*[4]) – будды Амиды. С распространением учения о Чистой Земле (*Дзедо*) развиваются понятия рая и ада. Отдельные предпосылки таких представлений существовали в Японии и до появления буддизма, однако амидаизм сообщил этой идее аргументацию и последовательность. Японский буддизм учит, что в течение сорока девяти дней после смерти человека он во время этого промежуточного состояния совершает путешествие. Умершие преодолевают горы (вероятно, отголосок ранних синтоистских представлений) и реку в загробном мире, а затем являются на суд. Амидаизм был не единственным буддийским направлением, в рамках которого получили развитие указанные верования на территории Японии, как мы покажем ниже, однако, на наш взгляд, он сыграл наиболее значимую роль в этих процессах [9].

Ключевым концептом в представлениях относительно посмертного пути человека становится загробный суд. Для раннего буддизма как для нетеоцентрической религии институт такого суда лишен актуальности, ведь характер следующего рождения вполне определяется суммарным вектором прошлых поступков: умершим «не придется прийти на суд в столицу божественного Ямы, да суда никакого нет. ... Только прижизненная деятельность – благая или неблагая – является единственным фактором, ответственным за новое рождение» [10, с. 144]. При всем том представление о Яме, царе и судье загробного царства, оказалось достаточно устойчивым и заняло видное место в буддийских инфернологических верованиях, особенно в традиции махаяны. В частности, оно получило распространение в китайском буддизме, который был основным источником распространения буддизма на территории Японии.

Также чуждым классическому буддизму было понятие души в смысле нематериального самостоятельного субстрата личности (*анатма*). Однако это теоретическое положение подвергается реинтерпретации в популярном китайском и японском буддизме и представление о духе умершего приближается к тому пониманию его природы, которое существовало в традиционных добуддийских верованиях. Так, на нимбе изображения Будды (VII в.) указано: «Мы молимся, чтобы наши отец и мать могли так воспользоваться этим благом ... чтобы жить в счастье и чтобы в будущем состоянии они могли миновать три состояния зла и не могли подвергнуться восьми бедствиям, но смогли бы вновь возродиться в раю, взирая на Будду и слушая Закон» [2, с. 120].

[3] Сказанное следует понимать, **прежде всего**, как попытку представить восприятие буддизма в народном сознании.

[4] *Тарики* – «легкий путь», двигаясь по которому, человек опирается на усилия другого, в отличие от «тяжелого пути», когда он полагаются только на собственные умения (*дзирики*).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Итак, согласно общим верованиям, после смерти человек должен предстать перед судом Эмма-о, властелином и судьей царства мертвых. Прежде чем добраться до Дзигоку – инфернальной области, где царствует Эмма, умерший должен преодолеть реку Сандзу (*Shozukawa*) – Реку Трех Дорог – отделяющую мир живых от царства мертвых и которую могут пересечь только духи покойных. После этого он попадает к женскому демону по имени Дацуеба[5] (*Datsueba*, также *Datsue-ba*), которая снимает с него всю одежду[6]. Вероятно, через этот символический акт умершему дается понять, что он навсегда покинул привычный мир живых. Дацуебу сопровождает другое существо – демон Кенео (*Ken'eo*), он развешивает снятую одежду на дереве, ветви которого сгибаются соответственно тяжести грехов умершего. Иногда отдельные аспекты наказания осуществляются уже на этом этапе. Так, существует представление, что Дацуеба ломает пальцы грешника как наказание за воровство и вместе с Кенео привязывает ему голову к ногам. Если грешник не имеет одежды, с него сдирают кожу. Впервые Дацуеба появляется в японской текстуальной традиции в *Bussetsu Jizō Bosatsu Hosshin Innen Juō Kyō*, сутре эпохи Хэйан (794–1185), посвященной деятельности бодхисаттвы Дзидзо (Кшитигарбхы). Другой ранний текст, в котором есть упоминания об этом персонаже – *Hokke genki* (1043).

После этого умерший приходит собственно на суд Эмма-о либо же суд Десяти Царей (*Jū-ō*), где ему определяется форма, в которой он воплотится в следующей жизни. Согласно общебуддийским представлениям, новое рождение может произойти в одном из шести миров – ад, мир голодных духов, мир животных, людей, асуров, богов. Традиционные изображения Эммы являют нам довольно устрашающие образы, соответствующие его функциям инфернального владыки. Обычно он представлялся в виде бородатого мужчины в короне или китайской шапочке судьи, с красным лицом и глазами навыкате. В японских легендах Эмма-о может помиловать человека и отправить его обратно на землю. Часто Эмма отождествляется с бодхисатвой Дзидзо, который почитается в Японии как защитник умерших. Во многих мифах Эмма-о не является единственным судьей мертвых, он только один из Десяти Царей. Вместе с тем, Эмма считается наиболее важным из этих десяти судей, и в соответствующих иконографических сюжетах он часто располагается в центре. Концепция Десяти Царей (Судей) очевидно внешнего происхождения – она базируется на даосских представлениях и распространяется в Японии в эпоху Хэйан [11]. Упомянутые Десять Царей рассматривались во многих буддийских школах как манифестация Десяти Будд (*Jūbutsu*). Позже к ним были добавлены еще три божества, в XIV в. они образуют группу Тринадцати Буддийских божеств (*Jūsanbutsu*). Эти персонажи играют большую роль в посмертных религиозных обрядах – к ним обращаются во время тринадцати мемориальных церемоний, проводимых в течение длительного времени. Жертвы и подношения от родственников особенно важны на 35-й день после смерти, поскольку в этот период Эмма (пятый судья в этой системе) определяет умершему новое рождение в одном из шести миров буддийского универсума [12].

Инфернальная космография японского буддизма не отличается оригинальностью, она опирается на классические описания раннего буддизма. Один из выдающихся японских последователей амидаизма Гэнсин (942–1017) описал в своем труде «Ojo Yoshu» («Сущности перерождения в Чистой Земле») систему из восьми главных инфернальных уровней, каждый из которых имеет четыре входа и 16 дополнительных адов. Отдельные наказания осуществляются антропоморфными демонами *они*. После появления «Ojo Yoshu» в живописи выделяется особый жанр, который концентрируется на изображении картин Чистой Земли и уровней ада.

Напоследок укажем на существование довольно специфического представления, связанного с посмертным наказанием женщин, известного как Ад Озера крови (*Chi no Ike Jigoku*) . Речь идет о концепции, могущей быть названной «грех женской физиологии», согласно которой менструальная кровь, а также кровь при рождении детей, распространяет ритуальную нечистоту, и потому требует должного наказания. Названное верование закреплено в сутре, известной как «Истинная сутра Будды об озере крови» (*Bussetsu Daizou Shoukyou*

[5] В толковании этого образа существуют определенные разногласия. В частности, М. Ашкенази (Ashkenazi) пишет, что Datsueba – мужского рода, а Shozuka-no-baba, который его сопровождает – женского. В других исследованиях Datsueba отождествляется с Shozuka-no-baba. См.: [13, p. 135], [14].

[6] Мотив, распространенный в мифах о путешествии в мир мертвых, напр., ср. аккадский миф «Нисхождение Иштар [в нижний мир]», VI.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Ketsubon Kyou). Японский текст базируется на аналогичной китайской сутре, что была составлена в конце XII в., и в свою очередь восходит к ранним легендам об ученике Будды Маудгальяяне (кит. Мулянь). В соответствии с этим преданием, Маудгальяяна спустился в ад, движимый чувством сострадания к своей матери. Данный вариант легенды, однако, отличается от ее предыдущей версии, где Маудгальяяна спасает свою мать из мира претов – голодных духов. Здесь же подвижник находит ее погруженную в огромный резервуар менструальной крови вместе с множеством других женщин. Основное наказание заключается в том, что демон, который главенствует над этим адом, приходит три раза в день и заставляет их пить эту кровь. Они страдают здесь, объясняется в сутре, потому что кровь из их тел «оскверняет божество земли и, кроме того, они стирают свои испачканные одежды в реке, из которой берут воду благородные мужчины и женщины, и каковая используется для приготовления чая для служения святым» [15, p. 230]. Точные даты инкорпорации этого верования в японский буддизм неизвестны. Отдельные исследователи предполагают, что японцы были знакомы с ним уже в сер. XIII в., однако, большинство относят его распространение к середине периода Муромати (1336–1573). Точно установлено, что идея наличия специального Ада Озера Крови для женщин была хорошо известна в XVI в [16, p. 176–180].

Хотя доктрина, изложенная в сутре, как и сам текст, внешнего происхождения, очевидно, что названные верования гармонично вписались в этико-нравственную систему японского общества , чему поспособствовало наличие древнего комплекса представлений о ритуальной скверне (*кегаре*). Сутра *Bussetsu Daizou Shoukyou Ketsubon Kyou* существовала в Японии в нескольких редакциях – в частности современный исследователь Такеми Момоко (Takemi Momoko) в своей работе «“Menstruation Sutra” Belief in Japan» насчитывает их не менее 16. Рецитация текста сутры или даже само наличие ее считалось достаточно действенным средством избежать упомянутого наказания или уменьшить его продолжительность. Религиозные церемонии, устраивающиеся с этой целью, получили должное распространение в практиках многих японских буддийских школ, в частности школы Сото Дзэн.

Все вышеописанное позволяет автору сделать следующие обобщения. С проникновением буддизма на территорию Японии архаичная система верований подверглась значительным трансформациям: получают распространение идеи существования загробных миров и возмездия post mortem. В популярном срезе буддийской религии указанные идеи развиваются главным образом посредством общего учения о загробном суде.

Значительное влияние на эти верования оказали, прежде всего, отдельные махаянские сутры, хотя знакомство широких слоев населения с ними происходило преимущественно опосредованно – через проповеди и сакральное искусство.

В буддизме эсхатологическая модель тяготеет к признанию общего спасения или, по крайней мере, не отрицает потенциальной возможности освобождения для каждого, пребывание же в аду прекращается после того, как стихает импульс, заданный отрицательной кармой.

Литература

1. Главева, Д.Г. Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия / Д.Г. Главева. – М. : Вост. лит., 2003. – 264 с.

2. Сэнсом, Дж.Б. Япония: краткая история культуры / Дж.Б. Сэнсом ; пер. с англ. Е.В. Кириллов. – СПб. : Евразия, 1999. – 572 с.

3. Накорчевский, А.А. Синто / А.А. Накорчевский. – СПб. : Азбука-классика : Петерб. востоковедение, 2003. – 443 с.

4. Японские квайданы. Рассказы о призраках и сверхъестественных явлениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://lib.rus.ec/b/18248/read. – Дата доступа : 23.05.2013.

5. Кодзики: записи о деяниях древности. Свиток 1 ; предисл. Е.М. Пинус ; сост. Р.В. Грищенков ; ред. Р.В. Грищенков ; пер. Е.М. Пинус, Н.И. Фельдман. – СПб. : Кристалл, 2000. – 607 с.

6. Рифтин, Б.Л. Ди-цзан-ван [Электронный ресурс] / Б.Л. Рифтин. – Режим доступа : http://www.synologia.ru/a/Ди-цзан-ван. – Дата доступа : 23.05.2013.

7. Торчинов, Е.А. Введение в буддологию: Курс лекций / Е.А. Торчинов. – СПб. : Санкт-петербургское философское общество, 2000. – 303 с.

Репозиторий ГГУ имени Ф. Скорины

8. Игнатович, А.Н. Лотос и политика: необуддийские движения в общественной жизни Японии / А.Н. Игнатович, Г.Е. Светлов. – М. : Мысль, 1989. – 283 с.

9. «Datsueba» by Kawamura Kunimitsu. A publication of the institute for medieval japanese studies [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.columbia.edu/html/sai-no-kawara.html#10kings. – Date of access : 23.05.2013.

10. Ермакова, Т.В. Классический буддизм / Т.В. Ермакова, Е.П. Островская. – СПб. : Изд-во «Азбука-классика»: Петербургское Востоковедение, 2004. – 256 с.

11. Ten kings / Ten judges of hell and Jizo Bosatsu [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.onmarkproductions.com/html/sai-no-kawara.html#10kings. – Date of access : 23.05.2013.

12. Kawamura, K. Datsueba [Electronic resource] / K. Kawamura – Mode of access : http://www.columbia. edu/cu/ealac/imjs/reports/1994-04/. – Date of access : 23.05.2013.

13. Ashkenazi, M. Handbook of Japanese Mythology / M. Ashkenazi. – Santa Barbara : ABC-CLIO, 2003. – 375 p.

14. Datsueba – Old Hag of Hell Plus Blood Pool Hell for Women [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.onmarkproductions.com/html/sai-no-kawara.html#datsuebaealac/imjs/reports/1994-04/. – Date of access : 23.05.13.

15. Momoko Takemi. «Menstruation Sutra» Belief in Japan / Momoko Takemi // Japanese Journal of Religious Studies. – 1983. – Vol. 10, № 2/3. – P. 229–246.

16. Glassman, H. At the Crossroads of Birth and Death: The Blood-Pool Hell and Postmortem Fetal Extraction / H. Glassman // Death and the afterlife in Japanese Buddhism. – Honolulu : University of Hawai`i Press. – P. 175–207.

Приазовский технический университет

Поступила в редакцию 22.06.2015

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ